

ГЕРОЙ VICE VERSA: НЕ СОВЛАДАВШИЙ С ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

20-е – 40-е гг. XIX в. являются переломными с точки зрения политических судеб ведущего восточночеркесского княжества – Большой Кабарды. После шестидесятилетнего имперского натиска на большей части ее территории была установлена власть российской военной администрации. Значительная часть населения, не согласная с оккупационным режимом эвакуировалась на запад страны. На этом фоне разворачивается жизненная траектория одного из отпрысков владельческого княжеского рода Хатокшоко. Одной из основных задач работы стала реализация процедуры «биографической дистинкции» двух полных тезок (Хатокшоко Магомет), фигурирующих в источниках. Необходимость подобной задачи продиктована тем обстоятельством, что носители данного имени следовали двум диаметрально противоположным (политически и этически) жизненным стратегиям. Примечательной представляется и последовательность избранной жизненной траектории: если один из персонажей предстает целостной, монолитной фигурой, то герой настоящего текста являет пример непоследовательного, «ветренного» характера. Представляется несомненной, что неоднократные переходы из одного противоборствующего лагеря в другой, наблюдаемые в биографии князя определялись не столько характером разворачивавшихся в тот период военно-политических коллизий в регионе. Ключом к объяснению противоречивых и по существу, антагонистичных решений (сопровождавшихся моральными и политическим издержками) свойственных персонажу очерка рассматривается допущение о его внутренней незрелости, не позволившей ему проявить себя как индивидуально целостную фигуру.

Ключевые слова: хаджреты, Хатокшоко Магомет, Черкесия, Кабарда, военная линия, война, ренегат.

Рассматривая событийную канву военного продвижения России в Черкесии, пользуясь имперской терминологией, в Центре и на Правом фланге Кавказской линии в 20-е – 40-е гг. XIX в. особо заметным является имя черкесского *тицы* Хатокшоко Магомета. Обращает на себя внимание, что его носитель в зависимости от обстоятельств выступает не только не в идентичных, а порой явно антагонистичных ролях. В источниках и литературе человек по имени Хатокшоко Магомет (русскоязычная форма фиксации «Магомет Атажукин») предстает то как храбрый предводитель черкесской конницы, то действующий с не меньшей отвагой, но уже в рядах противника воин; то мы наблюдаем образ живого воплощения *chevalier sans peur et reproche*, то повествование упирается в нелицеприятную аттестацию человека «слабого характера», который «в народе особым уважением не пользовался» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20.], то речь идет о подкупающем своим альтруизмом персонаже, без раздумий идущем на заведомое самопожертвование спасая товарищей по оружию, то о коварном, вызывающем непреодолимое отторжение братоубийце. Деяния и поступки, связанные с именем Хатокшоко Магомета настолько несочетаемы, что на первый взгляд возникает ощущение некоего «фьюжена».

Вместе с тем следует иметь в виду, что в условиях (военной) экспансии модернизирующейся империи в пространство традиционного мира персонажи с радикальной переменной жизненных (в том числе политических) позиций встречаются нередко; более того «метущихся меж двух огней» фигур она рождает с неумолимой закономерностью. И кавказский (в частности, черкесский) материал с избытком подтверждает данное правило. Поэтому заметное присутствие означенного имени в столь разнящихся обстоятельствах и проявление личностных черт в не менее полярных ролях подталкивает к заключению об иллюстрации очередной жизненной траектории с высокой амплитудой биографических флуктуаций.

Между тем, ознакомление с историческим контекстом военных коллизий в центральной и западной Кабарде обозначенного периода, обращение к различительным признакам и процедуре «биографической дистинкции» позволяет говорить о двух разных людях. В первом случае речь идет о снискавшем всенародную любовь (не угасшую и по сей день) первом рыцаре Черкесии – Хатокшоко Магомет Аша (в источниках не всегда упоминается его прозвище Аша, означающий «сухорукий», «косорукий»). Вторым фигурантом предстает его полный тезка, жизненный путь которого разительно отличается от биографии выдающегося представителя клана Хатокшоко. На некоторых (отраженных в источниках) эпизодах жизни последнего и концентрируется настоящий текст.

Исходя из сведений источников, сообщающих о том, что в 1842 г. князю Хатокшоко Магомету было 53 года можно полагать, что дата его рождения относится к самому началу последнего десятилетия XVIII в. Если за год рождения взять 1789 г., то становится очевидным, что все невиданные катаклизмы (губительная эпидемия чумы, череда напряженных военных кампаний с Россией в 1804–1810 гг., зарождение и первый этап хаджретского движения в Кабарде) происходили перед его глазами в сознательном возрасте. Если же учесть, что фигурирующий в одном из документов начала XIX в. в качестве одного из сыновей лидера хаджретского движения Хатокшоко Адильгирея «Магамат» [Сборник документов... 2003: 46] и есть герой настоящего текста (хотя допустима и иная генеалогия) следует признать и его вовлеченность в главнейшие для судеб Кабарды перипетии. (Факты того, что рассматриваемый здесь персонаж «воспитывался за Кубанью» и не владел русским языком на протяжении жизни косвенно подкрепляют предложенную версию о его происхождении). Принимая во внимание бескомпромиссную борьбу, которую в начале века вел лидер шариатского движения с Россией и его статус непререкаемого авторитета и харизматического лидера в восточных областях Черкесии, несложно предположить направление мыслей и характер деятельности князя Хатокшоко Магомета в ранней молодости. Однако известные нам источники молчат об этом периоде его жизни.

Лишь на излете второго десятилетия XIX в. он, кажется, опять фиксируется в письменных источниках. Согласно российским документам («послужному списку»), относящимся к началу 1840-х гг. Хатокшоко Магомет, в 1819 г. находясь в отряде «под начальством главнокомандовавшего отдельным Кавказским корпусом генерал лейтенанта Ермолова» участвовал «при разорении за Кубанью Маргушевскаго аула» [ЦГА КБР Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12]. Следует уточнить, что данная операция была осуществлена позднее, в ноябре 1821 г., и в ней, сам Ермолов непосредственного участия не принимал хотя и был ее инициатором.

Вернувшись, в сентябре 1821 г. из Петербурга, Ермолов встретился в Георгиевске с командующим российской военной линией Сталем, где он «условился с ним о мерах к полному и окончательному покорению кабардинцев» [Потто 1904: 34]. Линейному командующему было предписано «собрать баталион в тысячу штыков для действия в Кабарде» [Потто 1904: 38]. Потто пишет, что «Сталь решил направить колонну майора Курило на те аулы, которые успели уже бежать к закубанцам» [Потто 1904: 38]. Как он сообщает: «Мера эта, по мнению его, являлась необходимою, чтобы сразу отнять у закубанских племен охоту вмешиваться

в наши дела с кабардинцами, а кабардинцам показать, что никакие союзники не предохранят их от ударов русского оружия» [Потто 1904: 38].

Развитие событий описано следующим образом. «Верстах в 50-ти от нашей границы, в конце долины, называемой Кардон-Тхали (возможно Кардоник (Къэрдэныдж). Къэрдэнтхэлэ – правый приток Баксана в современной КБР. – Т.А.), у подножья высоких гор, приютился аул Маргушева, одного из знатнейших узденей Большой Кабарды, ранее других ушедшего к верховьям Кубани. Его то Сталь и обрек на истребление» [Потто 1904: 38]. Здесь следует отметить, что фактор, как именовали имперские агенты «беглых кабардинцев», действовавших из-за Кубани в этот период был остроактуальным для российского военного командования в регионе. А аул Маргуш (Маргъущей, Маргъущхьэблэ) предстает чуть-ли не единственным кабардинским селом, фиксирующимся в это время на кубанском левобережье.

Российский автор следующим образом повествует о развернутой против черкесского села операции. «Несмотря на далекий путь (более ста верст) (такое расстояние в тексте несколько затруднительно для восприятия учитывая выше обозначенное здесь же расстояние в пятьдесят верст от «российской границы». – Т.А.), несмотря на дожди, туманы и плохия дороги, заставивши нас бросить даже орудия, Курило настолько умел скрыть движение колонны (представляется не без помощи проводников – Т.А.), что прошел это пространство никем незамеченный. Он уже приближался к аулу, когда несколько кабардинцев, случайно проезжавших по дороге, открыли отряд и предупредили жителей. «Уже за версту от деревни, – пишет Сталь в своем донесении, – слышен был ужасный вопль спасавшихся женщин». Курило послал вперед казаков, и те, ворвавшись в аул, принялись рубить направо и налево; подоспевшая пехота довершила поражение, и аул был превращен в развалины» [Потто 1904: 39].

Хотя эти действия и были оценены как успешное «изгнание хищников» [ЦГА КБР. Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 12] аул Маргуш был вскорости восстановлен, и его жители продолжали оставаться упорными противниками России [Потто 1904: 45]. В разгар кабардинской эвакуации в начале лета 1822 г. повторный удар по этому селу был признан одним из приоритетов российского командования так как он продолжал считаться «разбойничьим притоном всех мятежных князей». Завершая кабардинскую экспедицию российские войска атаковали этот населенный пункт. «После сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены», – сообщает в этой связи источник. [Потто 1904: 58].

Вторая услуга, оказанная российскому командованию Хатокшоко Магометом была несравненно значимее участия в походе против соотечественников. Речь идет об убийстве одного из лидеров черкесского Сопротивления в Кабарде в 1818–1822 гг. князя Хатокшоко Талостана (кроме этой формы фиксации в русских источниках данное имя встречается как «Таустан» и «Тау-Султан»). Согласно Потто командующий на Линии Сталь в январе 1823 г. сообщил об этом событии Ермолову в следующих выражениях. «Кабардинскому владельцу Магомету Атажукину (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), еще в 1819 году, когда он управлял Бабуковым аулом, поселенным близ Георгиевска, я поручил доставить нам случай убить разбойника Тау-Султана (Хатокшоко Талостан. – Т.А.), или же, чтобы он, Атажукин (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), взялся за это сам, так как мне известно было о личной вражде его к Тау-Султану (Хатокшоко Талостан. – Т.А.)» [Потто 1904: 106–107]. По словам Сталя, Хатокшоко Магомет обязался выполнить подобное поручение. Однако взяв в 1821 г. «билет на проезд в Кабарду, ушел за Кубань и там остался на жительство» [Потто 1904: 107]. Получив известие об исполнении своего поручения спустя больше года, Сталь не без удивления отмечал: «Я уже не полагал, чтобы он по его ветренности сдержал свое обещание; но ныне, убив Тау-Султана (Хатокшоко Талостан. – Т.А.), он вернулся назад и обратился ко мне с просьбой о прощении в самовольной отлучке» [Потто 1904: 107].

Не питая иллюзий насчет преданности Хатокшоко Магомета имперскому командованию Сталь заключал, что князь «по всей вероятности вернулся потому только, что опасался мщения закубанцев, но что тем не менее в уважение заслуги, оказанной им, прощение ему даровано» [Потто 1904: 107]. (Несмотря на явный скепсис, выраженный в отношении лояльности князя Магомета со стороны контактировавшего с ним военачальника, В.А. Потто позже аттестовал его в качестве «горячего приверженца России» [Потто 1994: 395]). Как бы то ни было два обстоятельства совершенного злодеяния добавляют штрихов к портрету интересующего нас персонажа. Первое, это то обстоятельство, что князь Магомет, согласно Потто, был не просто однофамильцем или же членом одного с Талостаном клана – он приходился его двоюродным братом [Потто 1994: 395]. Второй нюанс, характеризующий Магомета с точки зрения нормативного представления о черкесском князе сводится к способу совершения преступления. Об этом известно, что Талостан **«был убит из-за сады** своим кровником другим кабардинским князем» Хатокшоко Магометом (выделено нами. – Т.А.) [Потто 1904: 106]. Такая форма расправы как неблагородная порицалась не только в аристократической среде. О том, что подобное деяние осуждалось всем обществом можно судить по тому как в языковом сознании черкесов такой поступок зафиксирован в крайне диффамативном ключе – «гъуанэдэуэу укЫн» («убить из-за угла»).

Важно обратить внимание, что кроме этического в поступке Хатокшоко поступает очень зримое военно-политическое измерение. Следует отметить что российское командование рассматривало Хатокшоко Талостана в качестве «сильнейшего из кабардинских владельцев», а по своим политическим взглядам он аттестовался как «непримиримый враг русских» [Потто 1904: 53]. Не случайно, что именно против него была направлена вся военная мощь, сконцентрированная Ермоловым в мае-июне 1822 г. в Баксанском ущелье. Постфактум считалось, что предпринятая Ермоловым экспедиция должна была «навести спасительный страх не только на все население Кабарды, но и на ближайшее к нему Закубанье» [Потто 1904: 53]. Как бы то ни было российские войска, тогда впервые смогли пройти до самых верховьев Баксана, а проход местности, где на одной из скал рукой князя Талостана была начертана надпись «Здесь проходит только друг», по-видимому, в военных реляциях был отмечен особо. Несмотря на задействованный мощный ударный кулак под личным руководством самого Ермолова князь Талостан, по признанию Потто «не был захвачен врасплох» и он сумел провести организованную эвакуацию населения за Кубань. Поэтому не удивляет признание российского автора, сожалевшего о том, что и экспедиция тогда «не вполне удалась» [Потто 1904: 55]. Иллюстрируется это тем, что всю осень 1822 г. хаджретские отряды под предводительством Хатокшоко Талостана и Касай Исмаила занявшие ущелья Баксана, Чегема и Черка продолжали вести активные боевые действия против русских войск [Потто 1904: 66, 68.]. К тому же, к исходу года командование начало получать тревожные сведения и об успехах хаджретских лидеров по эффективному вовлечению военного потенциала политической закубанской части страны в борьбу за Кабарду. Она была актуализирована настолько, что «Черкесские князья повсюду стали съезжаться на совещания» [Потто 1904: 106]. Хаджретские лидеры, по словам Потто «употребляли все силы, чтобы возжечь среди соплеменных и единоверных [западных] черкесов пламя ненависти» «к пришельцам которые поработили их родину» [Потто 1904: 106]. «И теперь на собравшемся по этому поводу общем совещании черкесов было решено совокупными силами освободить от чужеземного владычества Большую Кабарду и отомстить России полным разгромом линии...» [Потто 1994: 394].

Впоследствии интересовавшийся данным сюжетом автор довольно в зловещих и вместе с тем патетических интонациях описывал сложившуюся ситуацию. «...Над линией готова была разразиться жестокая военная гроза. Предстояло иметь дело уже не с отдельными хищниками и не с мелкими партиями... вставал весь

воинственный народ, чтобы отстоять свою полудикую вековую независимость и чтобы отомстить за попранные... права, за поруганные святыни и самобытные обычаи» [Потто 1994: 395]. Однако представлявшийся неотвратимым сокрушающий удар не состоялся, в том числе и из-за того, что на «замахе» черкесского натиска «одно из главных действующих лиц поднимавшего голову восстания» было сброшено с авансцены событий. По крайней мере в литературе констатируется, что смерть князя Талостана тогда «действительно разстроила все планы кабардинцев...» [Потто 1994: 107].

Все же, вслед за паузой, вызванной, в том числе и этим событием черкесы Восточного Закубанья прорвали российскую линию. В мае 1823 г. было разгромлено большое селение Круглолесское. Главными виновниками понесенного поражения генерал Вельяминов считал «беглых» кабардинцев [Потто 1904: 135]. Примечательно, что существенную помощь черкесскому предприятию тогда оказали ногайцы, «разселившиеся по берегу Малаго Зеленчука» и «служившие... как бы передовыми форпостами» [Потто 1904: 116]. Прибывший на театр военных действий после круглолесского погрома Вельяминов в этой связи писал Ермолову: «Удостоверяясь, что закубанские, ногайцы, под личиною мирных, участвуют во всех грабежах и разбоях, я признаю нужным первый удар оружия нашего за Кубанью обратить на ногайцев...» [Потто 1904: 127]. В конце июня генерал, сконцентрировав 1400 штыков и 600 казаков с 25 орудиями, нанес тяжелый удар по ногайцам; к 5 июля из-за Кубани войска перегнали 1467 человек пленных и до 8-ми тысяч голов скота [Потто 1904: 132].

На последовавшем черкесском совещании было решено восполнить потери ногайцев за счет очередного погрома российской линии. Оповещенный о намерениях противника Вельяминов решил упредить их. Сконцентрировав в своих руках три тысячи человек пехоты и восемьсот казаков с 20 орудиями генерал повел войска через Кубань [Потто 1904: 137]. Их целью был разгром ногайских аулов, поселившихся в глубине Закубанья на Лабе. В этих обстоятельствах услуги Хатокшоко Магомета опять были востребованы россиянами. «Я надеялся найти в нем (Хатокшоко Магомете. – Т.А.), – докладывал позже Вельяминов, – хорошаго проводника, так как он в прежнее время долго жил за Кубанью, воспитывался там и должен был хорошо знать закубанские земли. Я в сем не ошибся» [Потто 1904: 141]. Судя по тому как многочисленный отряд незаметно и оперативно сумел подобраться к расположению противника можно заключить, что генеральский отзыв на действия ренегата был заслуженным.

Алгоритм движения был таков: «Войска перешли Кубань у Невиннаго Мыса в ночь с 29-го на 30-е сентября и, сделав с небольшим в сутки более ста верст, утром 1-го октября появились уже на Чамлыке. Здесь они провели весь день, скрываясь в балках и лесах, и только ночью двинулись далее». [Потто 1904: 137]. Еще затемно войска вышли к трем «отстоявшим в близком расстоянии один от другого» аулам ногайского князя Эдиге Мансурова бежавшим с Зеленчука [Потто 1904: 137]. Миссия, возложенная на Хатокшоко Магомета, возможно, и сводилась лишь к роли проводника, но согласно российскому командующему, князь, весьма активно проявил себя на всех этапах операции. Вельяминов отмечал, что Хатокшоко «был безотлучно в авангарде при Якубовиче и сверх сего сражался против закубанцев со свойственною ему храбростью, в которой никто ему не откажет» (Согласно повествованию Потто наряду с Якубовичем только он и обратил на себя внимание генерала [Потто 1904: 141].

Для того, чтобы яснее представить заслуги Хатокшоко, столь высоко оцененные его начальством имеет смысл обратиться к действиям авангарда российского отряда в котором «безотлучно» пребывал интересующий нас персонаж. Ретроспективно их можно описать следующим образом. В ночь на 2-е октября «Якубович с двумя линейными сотнями пошел вперед на разведки и скоро дал знать, что он переправился уже за Лабу и стоит в виду ногайского аула. Тогда шесть сотен

линейных казаков, под командой командира Волжского казачьяго полка майора Верзилина, быстро переправились через Лабу и во весь опор понеслись к Якубовичу. Две роты Навагинского полка и рота тенгинцев с четырьмя орудиями поддерживали движение конницы. Баталион ширванцев придвинулся к самой Лабе и занял перелески, чтобы перехватывать тех, которые будут искать спасения на правом берегу Лабы.

Еще было темно, когда казаки соединились с Якубовичем и увидели перед собою не один, а целые три аула... Аулы захвачены были совершенно врасплох. Это позволило восьмистам казаков беспрепятственно расправиться с ногайцами. Как отмечается у Потто: «Из жителей не спаслось почти никого: 300 человек были вырезаны, 566 душ захвачены в плен» [Потто 1904: 137]. Есть все основания полагать, что Хатокшоко Магомет был вовлечен в данную акцию массового убийства, которая по сложившимся представлениям о способах ведения войны, несомненно подпадает под понятие военного преступления. Однако «свойственная храбрость в которой ему никто не откажет», следует полагать была проявлена не только при истреблении полусонных ногайцев. Об этом можно судить и по другому отличию авангарда российских войск, в котором князь, как выше отмечено, находился «безотлучно».

Уже спустя несколько часов, к полудню 2-го октября войска оперативно переправились обратно на правый берег Лабы и расположились лагерем. Вскоре и черкесы оповещенные о свершившейся трагедии начали собираться в верховьях р. Ходзь. Сосредоточив все силы в лагере Вельяминов несколько дней ожидал нападения во всеоружии. Но черкесы не приступали к обещавшему напрасные потери штурму, «а потому Вельяминов 7-го октября снялся с своей позиции и двинулся вниз по Лаббе, чтобы перейти Кубань у Усть-Лабинской крепости» [Потто 1904: 139]. Вскоре по пути отходивших войск развернулись драматичные события.

В одной из работ они описаны с обстоятельной подробностью (впрочем, не лишенной эмоциональной предвзятости) поэтому позволим себе привести пространную цитату из нее. «В полдень, когда отряд шел не дорогой, а целиной по густой траве и бурьяну, вдруг подул сильный встречный ветер и замедлил наше движение. Черкесы быстро сообразили возможность поставить нас в опасное положение и, обскакав отряд стороною, зажгли впереди его степь. Никому из русских не приходила мысль о возможности степного пожара, как вдруг перед ними появилась густая черная туча дыма, и не больше как через четверть часа целая сплошная стена пламени, гонимая вихрем, уже неслась прямо на войска. В отряде поднялась тревога; обозы и артиллерия повернули назад. Но огонь быстро догонял их и опасность с каждой минутой становилась страшней и очевидней; более всего боялись за взрывы зарядных ящиков, которые могли причинить нам громадные потери. К счастью, Вельяминов с своим обычным хладнокровием приказал тотчас зажечь траву позади отряда, и тот же степной пожар, который грозил ему спереди, явился его спасителем в тылу. Скоро позади нас очистилось обширное пространство без травы, и обозы с артиллерией расположились на поле, еще покрытом не остывшим пеплом. Пламя, догонявшее нас, дойдя до этого обгорелаго пространства, погасло собою.

Неприятелю не удалось однако воспользоваться нашим замешательством. Следуя за стеною пламени и оглашая воздух радостным гиком, черкесы считали отряд своею добычею. И, действительно, если бы они захватили нас в тот момент, когда на небольшой обгорелой площадке отряд не успел еще разобраться среди столпившихся обозов и орудий, – результаты битвы могли бы быть совершенно иные. К счастью, в авангарде был Якубович, быстро сообразивший возможность обратить во вред неприятелю даже самую выгоду его положения. Триста спешенных казаков и цепь Навагинского полка бросилась за ним через сплошную массу огня и, выскочив из нея, внезапно врезались в ряды ошеломленного неприятеля. Бой среди удушающаго смрада горевшей травы, длился лишь несколько минут, и

горцы бежали в совершенном смятении» [Потто 1904: 140]. Не вдаваясь в выяснение оправданности бравадно-патетического стиля описания представленного эпизода отметим важные с точки зрения настоящего текста нюансы. Прежде всего, это несомненное участие князя Хатокшоко Магомета в этом, экстраординарном по своим обстоятельствам, бою. Весьма примечательно, что противник поставивший в весьма опасное положение многотысячный отряд российских войск в авангарде которого проявил активность черкесский князь, в основном состоял из хаджретов (многих из которых, он несомненно знал лично). Об этом можно судить по заключению данного этюда в выше упомянутом тексте гласящее, что «Особенно пострадали при этом беглые кабардинцы, потерявшие тяжело раненым одного из лучших своих предводителей» – Касай Измаила [Потто 1904: 140].

Заслуги князя в этом походе были отмечены особо (к тому же не забывались спустя и много лет). В послужном списке, относящемся к 1842 г. в частности отмечается: «1823 года во время разорения Мансуровского аула за Кубанью был проводником начальника Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова за что и награжден одновременно денежною наградою 1000 рублей ассигнациями» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. О высокой оценке действий Хатокшоко Магомета свидетельствует и рапорт Вельяминова от 15-го ноября 1823 г. Проявляя заботу о своем новом подчиненном генерал отмечал: «Семейство его и люди задержаны были в плену у ногайцев. Справедливость требовала дать ему способов возвратить их, а потому из числа пленных, взятых на Лабее, дал я ему для вымена двух сестер [ногайского] князя Солибея и 8 человек из простаго народа. Князь Атажукин (Хатокшоко. – Т.А.) останется при войсках, пока в нем будет надобность, а семью его отправлю на Малку, а затем весною она поселится у Кыз-Буруна, напротив Баксанского укрепления» [Потто 1904: 141].

Подобные проявления благосклонности со стороны российского командования, по-видимому, укрепляли его лояльность по отношению к имперской администрации. По крайней мере, при массовом выступлении черкесов Кабарды в 1825 г., согласно сведениям Н.А. Волконского, князь Магомет вроде бы остался равнодушен к всеобщему порыву [Волконский 1886].

Относительно следующих пяти лет жизни Хатокшоко Магомета мы не располагаем какой-либо информацией. Однако начало очередного имперского натиска на Черкесию вслед за Адрианопольским трактатом 1829 г. предоставило благоприятные возможности для последующей реализации обозначившейся индивидуальной стратегии и демонстрации уже устоявшихся верноподданнических устремлений. В «досье» на него, в этой связи, лаконично отмечается: «1830 года под начальством Главнокомандовавшего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго в земле Абадзех и Сапсуг [принимал участие] в сражении с неприятелем и за оказанное в сей экспедиции отличие и храбрость произведен в прапорщики» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. «В последующем он состоял в Кавказско-горском полку в Варшаве» (но, судя по всему не успел принять участия в подавлении польского восстания 1830–1831 гг.) [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20]. После этого имя героя настоящего повествования опять выпадает из круга доступных нам источников.

Примечательны обстоятельства при которых Хатокшоко Магомет опять фиксируется в документах. В двадцатых числах марта 1834 г. отряд российских войск состоявший из 980 человек пехоты и 500 конницы при пяти орудиях отряд под командованием полковника Засса напал на одно из абазинских сел в Восточном Закубанье. На обратном пути черкесы атаковали отходившие войска в результате чего обе стороны понесли ощутимые потери. После боя к российскому командующему были доставлены аманаты от абазин. Как отмечается в источнике в это время к нему также явились хаджретский князь Бесланокко Аслангирей и абазинский предводитель Клыч Джамбулат. Так как они никаких аманатов не выдавали легко

предположить, что предметом переговоров был обмен телами погибших. Весьма примечательно, что среди переговорщиков, считавшихся упорными врагами России (особенно, аттестовавшийся российским командованием «одним из самых злых бичей Кавказской линии» князь Аслангирей) [Торнау 1999: 198] находился и «прапорщик Магомет Атажукин», т.е. Хатокшоко Магомет [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Можно по-разному толковать его присутствие в этот момент среди открытых врагов России, но факт того, что в последующем в его «досье» не попадало обвинений в очередном переходе на сторону противника, говорит о достаточно веских аргументах его нахождения, предъявленных им его покровителям. Как бы то ни было у современников складывалось впечатление, что в этот период Хатокшоко Магомет находился на особом счету у имперской администрации. В апреле 1837 г., замирившийся с русскими князь Касай Измаил, добываясь возвращения оставленных в свое время в центральной Кабарде подвластных, апеллировал к примеру Хатокшоко Магомета, который с его слов «несколько раз бегал за Кубань, но по распоряжению правительства возвращены ему» крестьяне [ЦГА КБР. Ф.И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 6]. Несколько позже вторил ему и Шардан Якуб. Он подчеркивал: «Если же кому из бежавших кабардинцев за Кубань возвращается оставшиеся в [центральной] Кабарде имущество, то не иначе как по особым заслугам нашему правительству и то с разрешения Высшего подобно тому как бежавшим из Кабарды и ныне имеющим жительство за Кубанью кабардинскому князю... Магомету Атажукину (Хатокшоко Магомет. – Т.А.)... с разрешения начальства возвращено несколько душ холопов с имуществом...» [ЦГА КБР. Ф.И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 16]. Итого у него в ауле на «вершине Малого Зеленчука» было 30 сакель, «крестьян мужеска пола 28 и женска 27» (среди которых, как выше отмечалось «уважением не пользовался») [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 13]. Подтверждением благожелательного отношения российской военной администрации служит и последовавшее в 1838 г. производство Хатокшоко Магомета в поручики с формулировкой «за отличие по службе» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 20]. И в целом считалось, что он «к пользам правительства был предан» и именно «за отлично усердную службу и преданность правительству повелено [было] производить пансион по 250 р. серебром в год» с 1840 г. [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12, 13].

Но «ветренность» его характера, о которой за два десятилетия до этого говорил генерал Сталь, по-видимому, с годами не была изжита. По крайней мере нам не известен мотив по которому князь решился на очередной резкий поворот в своей жизни. 14 октября 1842 г. начальник корпусного штаба генерал-майор Коцебу в своем рапорте в военное министерство сообщал, что «кабардинского племени поручик князь Магомет Атажукин (Хатокшоко Магомет. – Т.А.) и старшина карачаевского народа, прапорщик Барда Крымшавкалов, пользовавшийся от нашего правительства содержанием бежали: первый к непокорным горцам, а последний неизвестно куда» [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 1]. Побег был совершен 13 августа того же года.

За период пребывания вне зоны имперского контроля князь Магомет не стал частым фигурантом военных реляций. Редким (кажется, единственным) упоминанием его имени в контексте антироссийской активности стал рапорт войскового старшины Бирюкова от 5 января 1844 г. на имя генерал-майора Ольшевского. В нем отмечалось, что вместе «с преданным» князем, прапорщиком Хатокшоко Хатокшуко «непокорный» Хатокшоко Магомет «с подвластными узденями же живущими на реке Хасаут имеют намерение на сих днях напасть и отбить с коша состоящего близ поста Е(м)ановского состоящего атару баранов, или конный табун принадлежащих князю Тугану Ахлову и карачаевскому старшине Крымшамхалову». В качестве превентивной меры Бирюков выслал в предполагаемый район «злодеяния» отряд в 50 человек казаков при есауле Оклярове [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 96. Л. 17]. Однако, насколько известно, данный сюжет

не получил продолжения. Во всяком случае позднее российские власти стали исходить из того, что Хатокшоко Магомет «в бытность у непокорных горцев не предпринимал противу нас никаких неприязненных действий [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. Однако независимо от этого бегство князя не могло оставаться без реакции со стороны военной администрации. В апреле 1844 г. «Высочайше [было] повелено: бежавшаго к непокорным горцам, кабардинскаго племени поручика князя Атажукина исключить из списков, и предать, по отыскании военному суду, по полевому уголовному положению [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 34]. Между тем временно-командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, «донося бывшему командиру отдельнаго Кавказскаго корпуса [сообщал]:

Что князь Атажукин (Хатокшоко. – Т.А.), до состояния еще означеннаго Высочайшаго повеления, просил исправляющаго должность начальника праваго фланга Кавказской линии, о Всемилостивейшем прощении его за побег в горы, с возвращением чина и жалованья за время отлучки, и о дозволении ему возвратиться на прежнее место жительства, но просьба эта оставлена без уважения...» [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. Однако вскоре от князя последовало новое прошение «о прощении его, не предлагая уже, никаких условий, с дозволением ему поселиться на Хасауте, в ауле» уорка Хагундоко Хаджи [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 35]. В итоге Хатокшоко Магомету было разрешено проживание в упомянутом селе на р. Хасаут «под строгим надзором местного начальства, не возвращая ему впрочем чина и не производя никакого содержания, ни за прежнее ни за будущее время [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 36].

Документ, в котором обозначено итоговое решение по вопросу возвращения Хатокшоко Магомета датируется 18-м января 1845 г. С 12 января, практически одновременно с финалом переписки о даровании «прощения» князю в рапортах военных начальников между Левым и Правым флангами стали фигурировать сообщения о передвижениях эмиссаров Шамиля в регионе. В поступавшей командованию информации по данному вопросу наблюдается один эпизод, который мог опрокинуть все усилия князя Магомета по благополучному возвращению под монаршее покровительство утвердив российское начальство во мнении о его непостоянстве и «ветренности». Неблагоприятный оборот в судьбе князя мог произойти из следующих обстоятельств. 9 февраля 1845 г. пристав Тохтамышевских аулов штабс-капитан Зергель в рапорте из Усть-Джегутинского укрепления доносил: «Чрез посланных мною лазутчиков я получил верное сведение, что посланный от Шамиля назначенный заместником вместо умершего Хаджи Магомета к закубанским племенам чеченский эфендий по имени Салман в сопровождении одного товарища беглого кабардинскаго эфендия Салиха проехали за Кубань секретным образом выше Каменного моста более уже пяти дней и проездом (хотя лазутчики совершенно не удостоверяют, но по слухам носящимся известно) имели ночлег на Касауте в ауле кабардинскаго князя Магомета Атажукина (Хатокшоко Магомет. – Т.А.), смежнаго с аулом Аджи Ахандукова (Хагундоко Хаджи. – Т.А.)» [Адыгэ макъ] Об итогах данной переписки нам не известно, однако согласно биографическому справочнику А.В. Казакова, кажется можно сделать вывод об участии героя настоящего повествования еще в одном акте «верноподданническаго служения». В данном издании зафиксирован персонаж по имени Хатокшоко Магомет («Атажукин Магомет»), который был участником Крымской войны в «Азиатской Турции» [Казаков 2006: 59].

Разумеется, представленная фактография, характеризующаяся фрагментарностью и обрывистостью сведений о жизни рассматриваемого персонажа и во многом зависимый от них интерпретационный ракурс не позволяют выстроить полноценный «объемный» биографический портрет. Однако несмотря на многочисленные лакуны и однообразие источников (документация военного ведомства) анализ имеющихся сведений о жизни Хатокшоко Магомета удостоверяет в адекватности аттестации его личности как героя *vice versa*. Подобная оценка

оправдана не столько тем, что всякий взгляд на его жизнедеятельность обречена на соотнесение с деяниями его полного тезки безукоризненная рыцарская репутация которого будет всегда довлеть над блеклым образом старшего (по возрасту сородича). Речь идет о явленной несостоятельности князя, как вынесено в название текста, своему предназначению в черкесском социуме.

Источники и литература

1. Адыгэ макъ. Архив (Часть 2) // www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=7203 (Дата обращения: 22.07.2017).
2. РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив.
3. ЦГА КБР – Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики.
4. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. Нальчик, 2003. Т. II. 484 с.
5. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886 / drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/volkonskij_N_A/text.php. (Дата обращения: 01.08.2019).
6. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. 405 с.
7. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. 686 с.
8. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. II. 590 с.
9. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.

HERO VICE VERSA: TO BIOGRAPHY OF FAILED PRINCE

Aloev Timur Khazrailovich, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

20-s – 40-s of the XIX century are crucial for the political fate of the leading East Circassian principality – Great Kabarda. After a sixty-year long imperial onslaught the power of the Russian military administration was established in most of its territory. A significant part of the population who did not agree with the occupation regime was evacuated to the west of the country. Against this background, the life trajectory of one of the Hatokshoko princely family's offspring unfolded. One of the main tasks of this work is the implementation of the “biographical distinction” procedure of two full namesakes (Khatokshoko Magomet), appearing in the sources. The need for such a task is dictated by the fact that the bearers of this name followed two diametrically opposed (politically and ethically) life strategies. The sequence of the chosen life trajectory is also noteworthy: while one of the characters appears as an integral, monolithic figure, the hero of this text provides an example of an inconsistent, “windy” character.

Keywords: hajret, Khatokshoko Mohammed, Circassia, Kabarda, military line, war, renegade.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-23-32